Современные гуманитарные науки — не способ познания человека, а средство приспособления к той реальности, что познать свой предмет они не в состоянии. Страница 199

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Психика и сознание:
два языка культуры.
Книга 1. Капли океана

Монография

Анатолий Андреев

Психика и сознание: два языка культуры. Книга 1. Капли океана

«Автор»

2000

Андреев А. Н.

Психика и сознание: два языка культуры. Книга 1. Капли океана / А. Н. Андреев — «Автор», 2000

Возможно, «капля океана» – особая разновидность философской эссеистики. Перетекание капли в океан и обратно является вопросом не только усердия и необходимой ясности мысли, но уже отчасти и вопросом стилевой, эстетической выразительности. Чтобы капля засверкала гранями совершенства, необходимо совпадение множества условий, которые ближе всего определяются понятием талант. Можно ли требовать этого от автора? Во всяком случае, подобные вещи никогда еще не были в его власти. Он может лишь очень этого желать. Но получится ли, засверкает ли капля – об этом судить читателю. Капли безмерные и сверкающие – это установка, а не самооценка творческой продукции.

© Андреев А. Н., 2000
© Автор, 2000

Содержание

Предисловие 5
Раздел 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Андреев А.Н
Психика и сознание: два языка культуры
Книга 1
Капли океана

Одно только благо – знание, и одно только зло – невежество.
Сократ

Предисловие

Афоризмы, максимы, лапидарные этюды и тому подобные чеканные формулы мудрости, по моему глубокому убеждению, самодостаточны только тогда, когда у их авторов есть целостное представление о мире, человеке и его системе ценностей. В противном случае даже самые блестящие афоризмы лишь относительно содержательны, ибо они всегда нуждаются в определенном комментарии, который должен не искажать, а углублять их смысл, для афоризмов необходим самый общий смысловой контекст, проще говоря, философская система, в рамках которой краткое чеканное суждение начинает сверкать бездонной глубиной: за каплей становится ощутим океан. Каплю какого океана, например, представляет собой умозаключение Сократа, вынесенное в эпиграф книги?

На мой взгляд, она из того вечного океана, из которого выплеснулись и предлагаемые читателю капли – этюды. Океан родился не сегодня и не вчера, он был всегда, но распознать его, конечно, дано тем, для кого сократово «знание» (то есть умение мыслить, ведущее к мудрости) есть начало начал в культуре.

Вот почему вначале я был озабочен принципами организации универсума («океаном»), а теперь, мне кажется, могу позволить себе оттачивать некоторые мысли («капли»), которые в идеале могли бы стать каплями сверкающими. Очевидно, что каждая такая капля, в свою очередь, помогает яснее осознать глобальную целостность «океана», но большому счету, предлагаемая книга этюдов – своеобразное приложение к первым двум работам, написанным одновременно с этой (имеются в виду монографии «Целостный анализ литературного произведения», Минск, 1995 и «Культурология. Личность и культура», Минск, 1998).

Возможно, «капля океана» – особая разновидность философской эссеистики. Перетекание капли в океан и обратно является вопросом не только усердия и необходимой ясности мысли, но уже отчасти и вопросом стилевой, эстетической выразительности. Чтобы капля засверкала гранями совершенства, необходимо совпадение множества условий, которые ближе всего определяются понятием талант. Можно ли требовать этого от автора?

Во всяком случае, подобные вещи никогда еще не были в его власти. Он может лишь очень этого желать. Но получится ли, засверкает ли капля – об этом судить читателю. Капли безмерные и сверкающие – это установка, а не самооценка творческой продукции.

1995, 1998

Раздел 1
Феномен психоидеологии

* * *

Человек – велик.

Человек – комичен.

Человек – трагичен.

Велик – благодаря разуму, который выделяет и отделяет человека из природы. Человек становится венцом творящей природы, ибо только ему дано с помощью сознания познать ее законы.

Комичен – вследствие своей фатальной подвластности природе, реализующей свое царственное воздействие на человека с помощью психического, чувственно-эмоционального (внесознательного) управления, базирующегося на инстинктивных программах.

Трагичен – потому что вынужден носить в себе создавшие его непримиримые начала: величие и комичность, вынужден примирять два разрывающих его полюса, несмотря на то, что не в силах сделать это.

Человек – целостен: велик, комичен и трагичен одновременно. Но по-разному. Разница заключается, в том, хватает ли у него величия (способности осознавать), чтобы разглядеть свою реальную силу и слабость, или он мистифицирует, комически искажает столь же реальную зависимость от «сверхъестественных» «сил зла». Видеть свою комическую изнанку, осознавать себя как часть природы – тоже один из признаков величия. Быть нерассуждающим рабом природы, смиренно подчиняться тобой же со страху выдуманным богам и смирение это лицемерно ставить себе же в заслугу – вот высшая степень комизма.

Соответственно, трагизм, духовное родовое пятно личности, также приобретает величественный или комический оттенок.

* * *

Психологическое приспособление к действительности – легко и приятно во всех отношениях; интеллектуальное же приспособление – крайне тяжело.

Искусство, мораль, религия, политическая идеология (особенно в сниженном варианте массовой культуры) – все это способы психологического приспособления к реальности. Человек толпы (массовый человек) почти не желает напрягаться по поводу интеллектуального освоения мира. В конце концов, это его право; спрос же на альтернативные психологические технологии рождает обильные предложения. Что хотят, чего ждут – то и получают. Все это примитивное в духовном отношении житье-бытье не устраивает только тех, кто пытается всерьез приспособиться интеллектуально, у кого возникли иные потребности, другой спрос. (Подстрахуемся от неоправданной категоричности: у форм общественного сознания, специализирующихся на внесознательном приспособлении, существуют разные уровни, в том числе и высшие, философские, которые тяготеют к собственно интеллектуальным; было бы некорректным распространять на них в полной мере характеристики, приложимые к чисто психологическому освоению жизни.)

Претендуя на интеллектуальное приспособление к реальности, отметим, что психологическая референтность обстоятельствам необходима не в меньшей степени. Проблема в том, что сплошь и рядом психологическое приспособление *подменяет* собой интеллектуальное.

Поэтому мы живем в искаженном мире – искаженном, так сказать, ради жизни на Земле, но тем не менее искаженном. Видеть это людям с высокоразвитым интеллектом порой бывает по-настоящему тяжело. Весь скепсис мудрых порожден, с одной стороны, осознанием катастрофической краткости бытия, а с другой – осознанием того факта, что повальная нацеленность почти исключительно на психологическое приспособление (иначе говоря, прирожденная умственная неполноценность) делает «исправление», «улучшение» людей делом безнадежным.

Весь оптимизм мудрых, по сути, заключается в одном: в понимании того, что заведенный порядок вещей вполне естественен. Люди не виноваты в том, что они такие. И никто не виноват. Настоящая, следовательно, созерцательная, мудрость способна со многим примирить.

Думаю, именно в разности психологического и интеллектуального подходов заключен великий смысл всем известной формулы: горе от ума. Умный человек живет в каком-то зазеркалье. Он все время оказывается в положении мальчика, ясно видящего, что король-то гол, но в отличие от сказки, в жизни ему никто не поверит, сколько бы он ни кричал. Более того, умный – это ведь и есть самый настоящий сумасшедший с точки зрения здравого смысла – т. е. смысла, обслуживающего потребности психологического приспособления. Поэтому последовательная нейтрализация умного – объявление его дураком, идиотом, неполноценным. Этот ход многократно апробирован в истории мировой культуры.

Общественное сознание надежно защищено от проникновения «вируса» мудрости. Умных просят не беспокоиться: в их услугах серьезно никто не нуждается.

Все было бы терпимо, если бы действительные дураки не были естественной средой обитания, агрессивно отторгающей умников. Поэтому действительно мудрые вынуждены, интеллектуально приспосабливаясь, становиться немножко дураками – ради жизни, ради того, чтобы их сложнее было различить в толпе…

* * *

Идеология базируется на том, что справедливое, истинное, верное в одном отношении «правило» распространяется на все иные отношения, что влечет за собой колоссальные искажения комплекса иных отношений. Идеологический по определению значит: верный в одном отношении и неверный в другом.

У человека склада идеологического как бы есть моральное право настаивать на истинности на самом деле далеких от истины взглядов. Идеолог убежден в правильности своего метода: по части судить о целом, по себе – о других; его метод – элементарная аналогия.

Сказать идеологу, что он нечестен, лукав – только раззадорить его и придать ему уверенности в своей правоте: по примитивной логике «от противного». Назвать его глупцом (что соответствует действительности) – нажить худшего врага.

В том-то и дело, что он и честен, и справедлив, и хочет как лучше. Но недостаток ума теоретического, неспособность к ответственному мышлению превращают замечательного по своим моральным качествам человека в монстра – в отношении тех, кого он считает глупыми, недалекими, не умеющими распознавать собственное счастье.

Гуманно нейтрализовать идеолога можно только одним способом: привить такую идеологию, которая бы допускала иные идеологии. Живи сам – но дай жить, идеологически дышать другим. Тем же, кто озабочен исследованием всех возможных отношений субъекта и объекта следует выработать внеидеологическое мышление – т. е. мышление научное, не подотчетное стихии психических тайфунов, выведенное за рамки человеческих интересов и потребностей.

Служить истине – часто означает перестать служить человеку. Вот почему тот, кто становится умным, отдаляется от людей. Идеология сразу же стала формой защиты жизни, потому следует иметь в виду, что, разоблачая идеологии, ты покушаешься на жизнь.

Человеку умному остается один выход: понять, что неразумная жизнь повенчана с идиотизмом идеологий, и не препятствовать этому союзу, осознавая, что истина несовместима с идеологией – и в то же время последняя всегда в какой-то степени соответствует первой, хотя бы уже тем, что защищает жизнь.

Идеологи ощущают свою относительную глубинную, космическую правоту; мудрецы осознают свою тотальную, вселенскую правоту и ощущают нечто вроде добровольно принятой на себя вины перед неразумными идеологами.

Если все сказанное мной просто, то сложности в этом мире не более, чем в отношениях истины и идеологии.

* * *

Существует реальность психическая (субъективная) и объективная. Психика осуществляет модельное перенесение внешнего (объективного) во внутреннее. При этом психика искажает реальность в угоду потребностям.

Сложность проблемы заключается в том, что мы вынуждены считаться и с психической, и с действительной реальностью. Нормальная психика вполне обоснованно требует защиты, поскольку она не может длительное время оставаться беззащитной: это гибельное для нее состояние. И самый большой фокус, который преподносит нам психика, состоит в следующем: защита психики есть одновременно манипуляция ею. Что имеется в виду?

Психика не может защищать сама себя. Ей требуется пища, основа. Напомню: психика может только приспосабливаться (в том числе – и к самой себе). Перестраивать, перетасовывать же компоненты реальности, устраняя источник дискомфорта, психика не в состоянии: это выше ее возможностей.

Итак, есть два пути: либо приспосабливать реальность под себя, либо приспосабливаться к реальности. Поскольку психика всецело зациклена на второй альтернативе, ей как системе приспособления необходима «защита», т. е. способность охмурять себя иллюзиями до такой степени, что выдуманная реальность, в которой хорошо, комфортно и беспроблемно, становится реальнее настоящей, невыдуманной. Если психическую защитную призму убрать, разоблачить лежащий в основе ее механизма простой, но эффективный трюк, то весь сверхсложный информационный комплекс под названием человек может рухнуть под напором настоящих, часто неразрешимых проблем. Хочешь жить – защищайся, обманывай себя (или вырабатывай систему иной, интеллектуальной защиты; но эта тема требует отдельного разговора).

Исторически сформировалось несколько способов эффективной психологической самообороны на индивидуальном и социальном уровнях.

Поскольку психика (душа) зависима и от тела, и от сознания (мыслительной инстанции), защитой психики могут служить оба источника. Лучшая защита психики – здоровое тело (отсюда: в здоровом теле – здоровый дух, в данном контексте – душа). Но защитой психики может быть также и то, что разрушает тело, например, всевозможные наркотики. Лучшая пища для психики – дружба и любовь.

Вот наиболее действенные способы самообороны психики на индивидуальном уровне (по Фрейду):

– замещение;

– оборачивание (переворачивание);

– сублимация.

Вероятно, можно обнаружить и иные способы. Мне важно указать на сам принцип защиты.

Что касается уровня социально-психического, то здесь безраздельно царствует великое триединство:

– мифотворчество;
– религия;
– искусство.

Раз уж психика требует (не может не требовать) защиты, и раз уж защита по сути своей является мошеннической манипуляцией, следовательно, мы обречены кормить себя «сказками». Надо дружить с психикой, надо идти ей на уступки – во имя нормальности, во имя приемлемой жизни.

Так тому и быть.

* * *

Существует множество степеней психологической защиты человека от гносеологической бездны, от ужаса познания. Вот механизм одной из них: человек в упор «не видит» гигантских, способных подавить его вершин духа. Он замечает только те пики, которые соответствуют его лилипутским представлениям о высоте.

В принципе, только покорение ближайшей вершины открывает вид на следующую. Высота – манит, порождая гносеологическую эйфорию. Побывавшие на Джомолунгме Духа свидетельствуют: там нет ни ужаса, ни восторга; обыкновенная трагедия становится уделом истинных лидеров и чемпионов.

Но этому никто не верит: это превышает возможности воображения жизнерадостных лилипутов.

* * *

Чтобы избежать роковых искажений при восприятии реальности, надо уметь время от времени укрываться от гнета реальности.

По-самому большому философскому счету «отключаться» от жизни можно только посредством воображения, в мечтах и иллюзиях, в мире идеальном, чему способствует психическая эйфория, достигаемая употреблением наркотиков. Вот почему человечество и наркомания – неразделимые понятия. Формой нарко-психологической зависимости может выступать культ семьи, спорта, религиозно-политических и идеологических воззрений, собаководство, любая деятельностная активность – все, что угодно. Чем бы ни тешиться, лишь бы поддерживать желание жить.

Самым благородным и «конструктивным» способом наркотизации, понимаемой как стимуляцию наиболее эффективного ухода от реальности, следует признать творчество. И художественное, и научное творчество – это искусное замещение реальности, требующее фантастических умственно-душевных затрат, создание иной, хочется сказать, сверхреальности, как вызов реальности обычной. Художественные модели позволяют существу, брошенному в жизнь, творить реальность более совершенную, более его устраивающую и тем самым преодолевать ужас жизни; умозрительное научное расчленение модели реальности – это, что ни говори, тоже бегство от действительности.

Хочешь вести здоровое и нормальное существование – ищи свой вариант защиты от жизни.

* * *

Интеллект – это очень жесткая по отношению к человеку вещь. Однако только он способен дать беспристрастную и объективную оценку реальности.

Психика – инструмент приспособления (главный, конечно, инструмент жизни). Но ведь даже по меркам не слишком высокой нравственности, не говоря уже о нравственности высшего порядка, *сам принцип приспособления подл.* Поэтому и человек – подл.

Надо же видеть, что честным и справедливым может быть только сориентированный на истину интеллект. Психика же всегда даст субъективную, т. е. искаженную картину действительности и заставит человека хитрить и подличать, поскольку именно психика беспринципно «разворачивает» реальность нужной стороной, представляя объективную данность такой, какой она соответствует потребностям, но не самой себе. Суть принципа приспособления крайне проста: вижу не то, что есть, а то, что мне выгодно видеть.

Вот почему наиболее выигрышным отношением к человеку со стороны другого человека является любовь; это возвышает и того, кто любит, и того, кого любят, ибо любить – значит понимать и прощать психические слабости своих ближних, да и несовершенство «себя любимого». Иначе говоря, любовь блестяще реализует принцип приспособления. Уважать же человека очень трудно, поскольку уважения достойны те, кто осознает свои психические слабости именно как слабости, честно признавая изъяны собственной моральной природы и создавая тем самым предпосылки для того, чтобы в известной мере презирать себя. Уважение – многокомпонентное и весьма интеллектуальное чувство, в очень значительной степени включающее в себя критерии разума. Людей, которых нельзя не уважать, крайне мало. В указанном смысле извечный вопрос пьяного русского «ты меня уважаешь» следует признать изысканно и экзистенциально точным – как претензию на призвание реальных достоинств.

* * *

Я прекрасно понимаю тех кристально честных (и перед собой, и перед истиной) и искренних людей, которые приходят к абсолютно верному (в границах их космоса) заключению: без высших сил – существование мира немыслимо. Невозможно. Мир рухнет. У него не будет опоры. И они становятся фанатиками веры из чистых побуждений, служа лучшему, что есть в человеке.

Они изумительно тонко и глубоко прочувствовали: их родной, свойственный им *идеологизированный тип сознания* иначе существовать не может. И им кажется, что они безоговорочно правы; они и рады бы допустить другое мнение, но оно настолько противоречит всему их жизненному опыту, что невозможно заставить себя серьезно с ним считаться. Они абсолютизируют свой тип сознания и полагают, не без оснований, что все люди таковы, да еще сила традиций, мощь авторитетов, всеобщее невежество…

Проблема заключается в том, что существует и иной – рациональный – тип сознания. И эти два типа сознания буквально думают и говорят на разных языках. Поскольку для «идеолога» язык «мыслителя» непонятен, его все равно что и нет. Носитель же рационального сознания способен понять куцую идеологическую логику, но не способен разъяснить своему оппоненту природу его заблуждения. Связь получается односторонняя, а закономерность общения вырисовывается следующая: чем более честен, искренен, образован и на свой лад умен идеолог – тем меньше возможности для продуктивного диалога между ним и мыслителем. Приходится констатировать: наличествуют разные духовные породы людей. И очень большой вопрос: все ли способны подниматься вверх по эволюционной лестнице сознания? Пока что мыслители безнадежно одиноки.

Хозяин жизни – идеолог. Не будем спешить объявлять эту ненормальную с точки зрения мыслителя ситуацию абсурдной. Ситуация «горе от ума» – уже банальна. И в ней есть свой смысл, своя «сермяжная» правда.

Возможно, дело обстоит таким образом, что люди, не сбиваясь в крепкое «стадо», попросту не выживут. А непременным условием эффективного стадообразного существования

является наличие объединительной идеологии. Природа и социум ставят предел, во-первых, количеству личностей-мыслителей, а во-вторых, «качеству» личностей в стаде: они должны настолько нуждаться в общественном организме (в т. ч. духовно-идеологически), чтобы сама оппозиция «личность – стадо» не возникала в их сознании. Будьте личностями – но в рамках идеологии. Тогда худо-бедно будут стада и пастыри, будет жизнь. Альтернативный вариант мать-природа, очевидно, не слишком жалует.

Так стоит ли всерьез развенчивать порочность идеологии, если идеологическая восприимчивость «личностей» и «стада» служит условием выживания?

Если бескомпромиссные поиски истины (а значит, нападки на жизнь) и допустимы, то только потому, что «высоколобых» все равно никто не слышит. Бескомпромиссность поисков истины общество готово приветствовать в той мере, в какой совмещаются понятия «истина» и «жизнь». Там, где начинается угроза жизни – кончается истина. Это означает: истина обречена иметь идеологический облик. Вот почему структурный баланс между мыслителями и идеологами отражен в счастливой пропорции: «один» – «все остальные».

* * *

Идеология и СМИ

Проблема идеологической ангажированности СМИ всегда стояла чрезвычайно остро. Нынешний этап демократизации общества, характеризующийся относительно высокой (а в отечественной контексте – беспрецедентной) степенью свободы в получении и трактовке информации, в неожиданной плоскости обозначил проблему *объективности* освещения событий.

Взаимоотношения, взаимообусловленность «субстанций» *журналист* и *идеология* имеют множество аспектов: нравственный, политический, экономический, психологический и др. Нас будет интересовать не столько вопрос качества идеологий, сколько вопрос: возможно ли в принципиальном плане развести понятия СМИ и идеология? Если да (нет), то почему? Каковы, наконец, следствия теоретически осмысленного «положения вещей»?

Мировоззрение, достигшее степени идеологического, представляет собой достаточно высокий уровень сознания. Под идеологией, как правило, понимают определенным образом организованную систему взглядов на мир, в основе которой – конкретная система культурных ценностей. Идеологии есть не что иное, как мировоззренческие попытки свести бесконечное многообразие мира к нескольким основополагающим принципам, увидеть самое главное: идейно и психологически организующее начало.

Почему человеку вообще свойственно подобное стремление духовно самоотождествиться – это особый вопрос, которого мы не будем сейчас касаться. Отнесемся как к данности: сколько-нибудь духовно развитый человек, заявляющий о себе как о личности, всегда организует, упорядочивает, идейно подчиняет мир. Он не может иначе. Он вынужден занимать определенную идейную позицию, придерживаться «точки зрения». Такого уровня и качества сознание выступает именно инструментом идеологического (однозначного) приспособления к многомерной (неоднозначной) реальности. Невозможно обладать сознанием и при этом быть вне идеологии, наличие одного влечет за собой появление другого.

Теперь отметим следующие фундаментальные особенности идеологии.

Во-первых, идеология подразумевает не просто *понимание*, основанное на абстрактно-логическом способе анализа отношений, но активную эмоциональную *оценку* соответствую-

щего «понимания». Иначе говоря, в идеологии преобладающим компонентом является эмоционально-психическое отношение к явлению.

Во-вторых, подобное идеологическое освоение мира требует особого культурного языка, который с наглядной убедительностью демонстрировал бы неоспоримые преимущества именно этой идеологической позиции. Таким языком в идеологии стал язык *символов* (или образов: не будем сейчас вдаваться в тонкости терминологии).

В-третьих, идеология и объективность – «две вещи несовместные», поскольку первая всегда есть попытка субъективного приспособления к реальности, идеология (см. во-первых и во-вторых) не ставит себе целью объективными способами познавать объективную реальность; это задача науки, задача совсем иного – теоретического – уровня мышления.

Легко заключить, что в функционировании СМИ нет ничего случайного. СМИ не могут себе позволить «роскоши» науки: всесторонне освещать и осмысливать факты. Сообщить что-то для человека всегда означало представить факт + точку зрения. Потребитель информации, соответственно, вместе с фактом впитывает отношение к нему (или вырабатывает контротношение: факт + иная точка зрения). Так или иначе, мы имеем дело с, так сказать, информацией к размышлению, с идеологизированным, а не собственно информативным подходом к событиям. Быть массовыми для средств информации означает быть идеологичными; стать же внеидеологичными означает перестать быть массовыми. Информация как таковая – либо миф, либо пустая абстракция. Выбор именно этой информации, а также форма (в самом широком смысле) ее подачи придают (не могут не придавать) факту идеологическую окраску.

Следовательно, журналистика была, есть и будет идеологически ангажированной, необъективной. Еще раз подчеркну: общественное сознание делегировало специфические полномочия в объективном (разноплановом, противоречивом, бесстрастном) отражении и познании универсума особым, специально для этого приспособленным формам: науке и философии.

Назвать журналистику необъективной вовсе не означает квалифицировать ее как деятельность недостойную или бессмысленную: такая оценка в свою очередь сильно идеологизирована. Важно указать на сильные и слабые стороны, на специфические функции СМИ как способа отражения мира, если угодно. Сила идеологии – именно в ее субъективности, в том, что какие-то стороны отношений (но отнюдь не все, принципиально – *не все*) действительно увидены, осмыслены (т. е. поставлены в связь с другими) и талантливо, образно-символически отражены. В конце концов, только идеологии способны увлекать «массы», сплачивать их, вовлекать в историю, делать творцами событий.

Слабость идеологии – опять же в ее субъективности, в неспособности увидеть противоречивую истину (а лишь тот ее краешек, который идеологам кажется всей «правдой»). Идеологи субъективно могут быть и честны, искренни, но это не делает их объективными.

В связи со всем вышесказанным выделю очень важное следствие идеологической деятельности. Поскольку идеология по определению отражает одну (в лучшем случае несколько) из сторон многомерных общественных явлений, пора открыто признать: нет идеологий правильных, «истинных» и неверных, ошибочных. Идеология по природе своей – из области веры, убежденности, кажимости и т. п.; она есть категория преимущественно психологическая. Вместе с тем и без подсказки науки очевидно, что существуют идеологии, культ которых несовместим не просто со здравым смыслом (тоже, между прочим, далекой от объективности инстанцией), а со стратегией жизнедеятельности, бытия, существования человека как такового.

Выход видится в одном: в признании полной легальности, «естественности» идеологической пестроты, принципиальной противоречивости и полярности взглядов (источник чего – сама реальности, а не чьи-то идеологические козни) – с одной принципиальной оговоркой: человеконенавистнические идеологии должны быть исключены, изъяты из массового обращения. Подобное признание – тоже идеологическое приспособление к бесконечности идеологического космоса. Все чаще такую позицию называют идеологией плюрализма. Очевидно, это

наиболее универсальная идеология, в рамках которой возможно существование и развитие инакомыслия, всех других идеологических течений.

Таким образом, идеологическая ангажированность – нравится нам это или не нравится – включается в комплекс профессиональных достоинств журналиста. Хороший журналист призван не столько понимать, объяснять и анализировать события и факты, сколько талантливо (т. е. тенденциозно) «отражать», представлять образные модели процессов и событий. Зависимость от социальных заказов различной природы (психологической, политической, религиозной, этнической и т. д.) – неизбежна для публичной профессии, которую иногда в порыве раздражения причисляют к «древним». Разумеется, нравственно-психологическая оценка тенденциозной деятельности всегда была и будет явно неоднозначной, однако это, что называется, издержки производства.

Анафемствуя по поводу СМИ, не следует упускать из виду, что они выступают прежде всего как рупор массовых настроений. И если уж на то пошло – неча на зеркало пенять… (Справедливости ради заметим, что в порядке обратной связи – и создатель общественных настроений, т. е. тех же идеологий. В признании этого обстоятельства коренится традиция более почтительной трактовки значения той же «сомнительной» профессии: четвертая власть.)

В качестве фактора и транслятора массовых настроений СМИ служат незаменимым общественным институтом и механизмом регуляции духовной жизни конкретного общества на определенной стадии его развития, взятой в определенном культурном контексте.

* * *

Три компонента, три кита всякой *идеологии* (то есть иррационального по природе, несбалансированного, дисгармоничного, редуцированного до нескольких моментов бесконечного духовного космоса): вера, надежда, любовь.

Вера – не требующая доказательств, произвольно направленная в одну точку концентрация всех душевных сил и способностей. Тотальная мобилизация личности, феномен безраздельной преданности и фанатизма корнями уходят в «веро-подданическую» природу. Сила духа человека – в его вере. Психику можно настроить, закодировать, запрограммировать – но только на что-то одно. Хочешь, чтобы человек был сильным – дай ему одну истину.

Вера вскармливает и питает *надежду*. Надежда – это оборотная, неотделимая сторона веры, ее близнец. Разница между ними заключается в том, что вера живет надеждой, иначе говоря, надежда – форма существования и осуществления веры.

Любовь – своеобразный результат, итоговое завершение «процесса веры». Если есть вера – обязательно будут надежда и любовь.

Человек «веры» всецело подчинен идеологической триаде, он некритично идет на поводу у своей слабости: в этом его сила. У личности рационального типа вера, надежда и любовь также наличествуют в сложном духовно-информационном хозяйстве (в качестве нравственно-волевых составляющих), но являются лишь моментами последнего, с *иными* функциями и прерогативами. Это момент иррационального в рационально организованном духовном пространстве.

Как существо идеологическое человек не может обойтись без веры-надежды-любви. Как человек рациональный он знает им цену. Такая диалектика неведома идеологам, обожествляющим свои слабости.

* * *

Надо, наконец, раз и навсегда назвать вещи своими именами: религиозные вероучения, при всей их внешней развернутости в сторону умопостигаемости, целиком и полностью отно-

сятся к сфере психической. Феномен религии – *феномен психологический* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Словосочетание «религиозное сознание» может иметь только тот смысл, которым мы наделяем оксюморонные формулы типа «когнитивное чувство». В познании есть чувство (момент интуиции), а в религии – момент сознания. Однако в целом религия есть форма (способ) психического управления информацией. При чем здесь такие категории, как познание, объективность, сознание?

У психологических фокусов есть своя логика – логика чувств, логика психологического приспособления к реальности. Нет ничего более унизительного для мыслящей личности, чем идти на поводу у беспринципной психики, вынуждающей выдавать желаемое за действительное.

* * *

Естественный регулятор и ограничитель – инстинкт – у людей перестал выполнять свои простые, но жизненно важные функции. У людей нет запрета на внутривидовое уничтожение. Мы можем в одночасье истребить себя дотла.

С другой стороны, разумные программы «сверху», с высших этажей интеллекта так и не стали руководством к действию для абсолютного большинства.

Что же остается?

Остается идеологический регулятор, одновременно пугало и источник иллюзий. И прежде всего – религиозная вера. Она дает стержневую основу человеку, без которой тот не может существовать.

В силу безнадежного идиотизма людей устроиться на Земле по-иному не представляется возможным.

* * *

Главной составляющей религиозного вероучения является вера, которая порождает надежду. Есть вера – будет и надежда. А вот какую функцию в религиозной идеологии выполняет несомненно присутствующая там любовь?

Религия как служба смерти опирается на веру в потусторонние чудеса, вера же примиряет с идеей конечности земного существования. Но ведь примирение со смертью и успокоение, наступающее от сознания ее неотвратимости, – противоестественны. Надо безгранично, до самозабвения верить в Того, Кто распоряжается твоей судьбой, надо представлять Его добрым, милостивым, милосердным. Надо расположить Его к себе, не дав повода оскорбить недоверием. Надо Его любить.

Вот где без любви не обойтись. Трудно верить в то, чего боишься. Психика приводит в действие свои глубинные адаптационные механизмы, и в результате человеку начинает казаться, что он действительно любит Того, Кто отнимает у него жизнь. Такая любовь (поистине – слепая), похищенная Небесами у несчастного человека, вынужденного обделять любовью себя и своих близких, может родиться только от неистребимого стремления жить, жить любой ценой, даже если для этого надо верить в благость смерти. Так механизм сублимации, высекая любовь, беззастенчиво эксплуатируется вероучениями в «высших целях».

Таким образом, любовь в религии не главный, а побочный, декорирующий мотив, призванный максимализировать эффективность веры.

* * *

Почему издревле и так настойчиво советовали «не творить себе кумира»?

Потому что как только появляется объект для преклонения, обязательно возникнет и объект для ненависти (часто – в одном и том же лице). Вспомним в этой связи и классику психологии: от любви до ненависти один шаг.

Все это означает: ненависти не бывает без любви, и чем больше слепой любви – тем больше ненависти. Если хочешь избежать хвори черной ненависти, не твори себе кумира.

* * *

Есть ситуации, в которых ради выживания приходится, приспосабливаясь, любить того, кого на самом деле ненавидишь и боишься. Жить – означает любить: иного выхода нет. Любовь и сверхпочтение, как ни странно, могут выступать формой скрытого, подавленного неприятия. Так многие «любили» (им так – казалось) Сталина, отца народов. Думаю, так «любят» бога-отца, многие – родителей, жены – тиранов-мужей. Словом, любой авторитет, не любить который в силу его чудовищной всепроникающей власти – страшно и смертельно опасно. Нет ничего странного в том, что при изменении ситуации, когда человек становится волен в чувствах, любовь и послушание оборачиваются ненавистью и бунтом.

От любви до ненависти – один шаг: это ум – о психике. Достойна удивления беспредельная пластичность, лабильность психики, инструмента приспособления и выживания. Кого только, обхитрив самого себя, не полюбишь, если захочешь жить.

Хищность и беспринципность психики определяются ее жизненной функцией: обеспечить приспособление любой ценой. Само понятие цены (системы ценностей) устанавливается уже интеллектом. Вот и ум, покоритель психики, заслуживает в конце концов ее демонстративную чистую любовь. Не стоит обольщаться по поводу такой любви, поскольку цена ее хорошо известна.

* * *

Вот яркий пример удивительного парадокса, который многих должен был бы заставить задуматься. Мой друг рассказывал мне, что в день смерти Сталина, он, шестнадцатилетний пацан, ликовал, понимая очевидное: умер тиран, кровопийца. В этот же день многие интеллектуалы, писатели и академики, пребывали в безутешной скорби. Что же получается: мальчишка оказался умнее академиков? (Вспомним сходный эффект: только мальчик разглядел, что король – голый; для всех других высочайшая особа была обряжена в великолепное платье.)

Все объясняется иначе. Мальчишка доверился непосредственному, «бесцензурному» восприятию жуткой личности диктатора. Неспособность интеллектуальной элиты замечать очевидное коренилась в ее социальной закодированности, идеологической охмуренности. Парадокс высвечивает закономерность: когда первобытное, неокультуренное сознание непредвзято оценивает явление, оно оказывается более точным в оценках, чем сознание отягощенное культурным опытом, тенденциозное – следовательно, подверженное автоцензуре. Идеологопоклонники, верующие способны не замечать очевидного, накладывая табу на те версии, которые не укладываются в рамки идеологического стереотипа, и мотивируя это «святой» по простоте формулой: «этого не может быть, потому что не может быть никогда» (об этом же, кстати, и сказка Андерсена). Обожествление «кремлевского старца» – из этой же серии, составляющей классику идеологизированного сознания.

Сознание должно всегда сохранять «первобытную» установку – основу объективности. Вера и объективность – несовместимые понятия. Вероятно, существует какая-то предрасположенность воспринимать вещи такими, каковы они на самом деле, сохраняя здравую устойчивость по отношению к психологическим искажениям. Есть и иная предрасположенность: видеть все в свете определенной идеологической установки, легко поддаваться «обращению в веру», быть образцовым зомби.

* * *

Человек не может жить без того, без чего он не может жить. Учитывая этот, банальный в своей истинности, постулат, следует снисходительно относиться к многочисленным душевным слабостям человека. Вера, надежда, любовь… Человек лицемерно заигрывает с самим собой. Потакание своим слабостям – условие выживания так называемого homo sapiens'a. С этим надо бы смириться.

Но как же отвратителен «слабый» человек! Ведь слабый в данном контексте вовсе не означает «беззащитный». Скорее, наоборот: в своей слабости человек черпает агрессивность, он норовит обернуть уязвимость могучим источником животворящей энергии. Люди выживают за счет слабости – вот в чем мы боимся признаться самим себе. Человек крепок верой, надеждой, любовью…

Слабый является слабым только с точки зрения «сильного», то есть умеющего смотреть правде в глаза. И сильный по праву сильного вынужден щадить слабого, оберегать его от смертельно опасных душевных травм, за что слабый расплачивается по-своему щедро: объявляет мыслящего (не желающего прибегать к защите психоидеологических химер) – слабоумным, дураком. Надо отдать должное последовательности слабых: отлаженный ими процесс выбраковки еще не давал серьезных сбоев: не такой как все – значит ненормальный, маргинал, мутант. Именно сильные максимально уязвимы перед агрессивностью слабых. Как всегда, битый небитого везет. Слабые, как и «братья наши меньшие» (собаки, обезьяны и т. д.) инстинктивно агрессивны. Они «правы» уж тем, что не понимают, не осознают. Сильные – все понимают, а потому в их исполнении «естественная» слабость будет уже с налетом имитации. Жизнь – для слабых; сильному же, чтобы выжить, надо не разучиться впадать в позорную слабость. Это очень сложно, если учесть, что ты, становясь слабым, не утрачиваешь при этом способности называть вещи своими именами. Иначе говоря, ты уже никогда не будешь по-настоящему слабым. Ты стал сильным. Ты – беззащитен…

* * *

Совершенен или несовершенен человек?

Бесконечно совершенен – в том смысле, что он может приспособиться и выжить практически в любой реальности (разумеется, диапазон понятия «любой» следует трактовать с поправкой на совместимость с природой человека).

Несовершенство (или, если угодно, в своем роде сверхсовершенство) человека ярко проявляется только в одном: он способен таки познать себя. В этом случае человек начинает иметь дело не с враждебной реальностью, требующей героических усилий по преодолению ее сопротивления, а с саморазрушительным началом.

Героический ответ на ситуацию – наиболее древний культурно-психологический поведенческий архетип. Человеческая (героическая) логика понятна: она является эффективной идеологической формой защиты. Потребность в героике породила человека идеологического. Постепенно человек осознает логику природы – и видит, что она бессмысленна с точки зрения самого совершенного творения природы.

Тут-то и выясняется, что быть героем хоть и трудно, но это детская трудность – для тех, кто сражается с воображаемыми врагами. Когда все «враги» побеждены, и человек остается один на один с собой, время борьбы вспоминается как сладкий сон. Человеку идеологическому на смену идет (но пока безуспешно) человек разумный.

Получается: человек совершенен как героическое, психоидеологическое существо. Но познав себя, он видит настоящую цену своему совершенству. Несовершенство человека проявилось в том, что он оказался способен увидеть себя без прикрас и чудес, способен перестать быть идеологически одурманенным. Пока шел за мечтой – морковкой, которую сам же перед собой и подвесил (но – не заметил этого) – море было по колено. Вполне по силам было искать и покорять страны обетованные, континенты, галактики и проч. Но если трюк с «морковкой» раскрыт, героические стимулы мгновенно выключаются; как следствие, резко ослабевает идеологическая воля к жизни.

Вот и вынужден человек держать баланс: не дать себе прозреть любой ценой. Но, очевидно, природа и об этом позаботилась (хотелось бы в это верить): человеку разумному никогда не удастся взять верх над «идеологом». Так что совершенства человека всегда будут заметнее его несовершенств.

* * *

Род человеческий, женственен по психологии, а потому требует идолов для поклонения и с восторгом творит кумиров. Дело в том, что поклоняются сильным и могущественным, а слабых и беззащитных жалеют. Приняв «позу подчинения», люди слагают бремя ответственности и обретают уверенность в том, что Кто-то, сильный, добрый и справедливый (то есть обладающий лучшими человеческими качествами в лучшей комбинации – самом большом дефиците среди людей), непременно защитит их. Некому поклоняться – нет и уверенности в праве на защиту.

Само «наличие» бога и нелепые культы в его честь свидетельствуют о том, насколько слабы и ничтожны люди. Видимо, тысячу раз правы психоаналитики относительно того, что алгоритм поведения человека чрезвычайно прост в основе своей: он опирается на присутствие (отсутствие) отца. Психология патернализма – ключевой бессознательный импульс и механизм в духовной структуре массового, то есть невменяемого по отношению к мысли, человека.

* * *

Кто-то верит в Бога, кто-то в божественно истинную и ясную идеологию (как, например, марксисты – в *идею* построения общества), кто-то в народ как божественную инстанцию (кредо националистов).

Механизмы если не идентичны, то очень и очень схожи. Что религия, что идеология, что национализм – это состояния *психики*, души, тут нет логики эволюционирующего интеллекта, и всю силу свою душа черпает исключительно в области бессознательного.

Вот и выставляй верующим доводы разума: ты ему аргумент логики, он тебе – логику веры. Думаю, человечество, при всех существующих этно-культурных классификациях, следует разделить еще на два класса: на избравших путь разума или веры, на единицы и миллиарды.

* * *

Эффективность примитивных идеологий обусловлена тем, что они воздействуют на подсознание. Поэтому самый умный, обуянный, скажем, национальной или религиозной идеей, превращается в полного идиота. Интеллектуальная защита не срабатывает, если человек начинает потакать своей слабости вместо того, чтобы, критически отнесясь к ней, выставить убогие уловки психики на обозрение бесстрастного интеллекта.

* * *

Индусы изумляют свет своим совершенством, достигаемым в искусстве медитации. Это чисто психологические манипуляции, на освоение которых уходят годы дотошного тренинга. Есть народы, которые достигают психологического отключения гораздо более простым, но не менее эффективным способом: им посчастливилось вовремя обнаружить, что горячительные напитки выступают потрясающим катализатором медитативных ощущений. Таким образом, «пьющие» нации научились радикально разгружать психику, не прибегая при этом ко всякого рода «философской» зауми, что позволило пьющим сохранить здравый и трезвый взгляд на вещи.

За здравость рассудка надо платить регулярным погружением в алкогольно-наркотический транс, обладающий помимо всего прочего колоссальной терапевтической функцией. Разумеется, там, где алкоголь, – возникает и проблема меры. Однако разве у медиумов, решающих реальные проблемы способом не менее оригинальным: отстранением от них (проблема «исчезает», потому что ты научился не замечать ее) – разве у них все в порядке с чувством меры?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.